

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт социально-гуманитарных наук
Кафедра русского языка и литературы

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой, д. ф. н.,
проф.

_____ Е. В. Пономарева
« _____ » _____ 2018 г.

**ОБРАЗ БАБЫ ЯГИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ
(РОМАН В. КАЧАНА «ЮНОСТЬ БАБЫ ЯГИ»)**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ — 45.03.01.2018.290.ПЗ ВКР

Руководитель, к. ф. н., доцент

_____ М. П. Двойнишникова
« _____ » _____ 2018 г.

Автор

студент группы СГ-409

_____ А. М. Клепко
« _____ » _____ 2018 г.

Нормоконтролер, преподаватель

_____ Л. В. Выборнова
« _____ » _____ 2018 г.

Челябинск 2018

РЕФЕРАТ

Клепко А. М. Образ Бабы Яги в современной прозе (Роман В. Качана «Юность Бабы Яги»). — Челябинск : ЮУрГУ, СГ-409, 2018. — 45 с., библиогр. список — 38 наим., презентация.

Ключевые слова: образ Бабы Яги, современная литература, поэтика, интерпретация образа, В. А. Качан.

Объект исследования — образ Бабы Яги в романе В. Качана «Юность Бабы Яги».

Предмет исследования — трансформация и поэтика образа Бабы Яги в романе современного автора В. Качана.

Цель работы — исследование поэтики образа Бабы Яги в современной прозе на материале романа В. Качана «Юность Бабы Яги».

Задачи работы: 1) изучить научные исследования, посвященные фольклорным образам (и образу Бабы Яги), репрезентации этих образов в фольклоре и русской литературе; 2) изучить научные работы, посвященные творчеству современного писателя В. Качана; 3) исследовать своеобразие репрезентации фольклорного образа Бабы Яги в русском фольклоре — в текстах русских народных сказок (сборник А. Н. Афанасьева); 4) исследовать поэтику образа в романе В. Качана «Юность Бабы Яги».

Научная новизна состоит в том, что в дипломной работе впервые предпринята попытка литературоведческого анализа романа В. Качана «Юность Бабы Яги» в аспекте функционирования и трансформации ключевого образа.

Результаты исследования могут быть использованы в рамках курсов «История русской литературы», «Устное народное творчество».

ABSTRACT

Klepko A. M. Character sketch of the Baba Yaga in the modern prose (novel «The Youth of Baba Yaga» by V. Kachan). — Chelyabinsk : SUSU, SH-409, 2018. — 45 p., the bibliography — the 38 employment., presentation.

Keywords: character sketch of Baba Yaga, modern literature novel, transformation character, poetics, V. A. Kachan.

Research object — the image of Baba Yaga in the novel by V. Kachan «The Youth of Baba Yaga».

Object of research — transformation and poetics character sketch of image Baba Yaga in the novel of modern writer V. Kachan.

The work purpose — to study of poetics character sketch of Baba Yaga in the modern literature a case study of novel by V. Kachan «The Youth of Baba Yaga».

Work tasks: 1) to study the scientific research devoted to folklore character sketch (and studied character sketch the Baba Yaga), representation of these character sketch in folklore and the Russian literature; 2) to study the scientific works devoted to works of the modern writer V. Kachan; 3) to investigate an originality of representation of the folklore character sketch of the Baba Yaga in the Russian folklore — in texts of the Russian national fairy tales (the collection by A.N. Afanasyev); 4) to investigate poetics of an character sketch in the novel by V. Kachan «The Youth of Baba Yaga».

The results of the study can be used in the courses «History of Russian literature», «Folklore».

The scientific novelty is that the graduate work for the first time attempted literary analysis of the novel by V. Kachan «The Youth of Baba Yaga» in the aspect of the functioning and transformation of the key image.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1. ОБРАЗ БАБЫ ЯГИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ	
1.1. Обзор исследований, посвященных образу Бабы Яги.....	9
1.2. Классификации образа Бабы Яги.....	14
1.3. Развитие образа в современной литературе.....	22
2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА БАБЫ ЯГИ В РОМАНЕ В. КАЧАНА «ЮНОСТЬ БАБЫ ЯГИ».....	24
2.1. Специфика интерпретации образа Бабы Яги в романе.....	25
2.2. Мотивы, связанные с образом Бабы Яги.....	32
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	38
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	43
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	1
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	3

ВВЕДЕНИЕ

Художественная литература имеет неразрывную связь с устным народным творчеством, черпая из него многие фольклорные элементы поэтики. Обращение к архетипическим фольклорным образам и мотивам стало неотъемлемой чертой как классической, так и современной литературы.

Одним из таких ключевых мифологических «кочующих» образов является образ Бабы Яги. Этот образ стал символом и знаком современной культуры в разных ее ипостасях. Он получил отражение в разных видах искусства, опираясь на разные мифологические представления. По словам Д. Угрешич, «Баба Яга — это единый орально-текстуальный patchwork (мозаика, лоскутное одеяло (англ.), составленный из различных фольклорных и мифоритуальных традиций (шаманизма, тотемизма, анимизма, матриархата), так что ее статус, функция и полномочия меняются от сказки к сказке, от одной фольклорной зоны к другой, от рассказчика к рассказчице» [22].

Баба Яга — один из самых многогранных и архаичных образов русского фольклора. Как один из неоднозначных и загадочных персонажей, Баба Яга представляет большой интерес для исследования с точки зрения исторического, культурного, этнографического, литературоведческого, лингвистического и др. направлений. Существует значительное количество работ, посвященных исследованию поэтики данного образа, как в литературе, так и других видах искусства. Несмотря на достаточную степень изученности морфологии образа Бабы Яги и репрезентации его в фольклоре и литературе, каждая индивидуально-авторская интерпретация и трансформация вносит свой вклад в развитие данного образа.

Современный русский писатель В. А. Качан (родился в 1947 году) известен произведениями «Роковая Маруся» (1999), «Улыбайтесь, сейчас вылетит птичка» (2000), «Юность Бабы Яги» (2007), «Арт-пасьянс» (2011) и др. В романе «Юность Бабы Яги» автор продолжает традицию изображения образа

Бабы Яги в литературе. В настоящее время не существует работ, посвященных анализу творчества В. Качана.

Актуальность исследования обусловлена малоизученностью творчества В. Качана и дополнением исследования фольклорных образов в русской литературе. **Новизна** состоит в том, в ВКР впервые предпринята попытка литературоведческого анализа романа В. Качана «Юность Бабы Яги» в аспекте функционирования и трансформации ключевого образа.

Объект исследования — образ Бабы Яги в романе В. А. Качана «Юность Бабы Яги».

Предмет исследования — трансформация и поэтика образа Бабы Яги в романе В. А. Качана.

Цель работы — исследование поэтики образа Бабы Яги в современной прозе на материале романа В. А. Качана «Юность Бабы Яги».

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Изучить научные исследования, посвященные фольклорным образам (и образу Бабы Яги), репрезентации образа в фольклоре и русской литературе.

2. Изучить научные работы, посвященные творчеству современного писателя В. А. Качана.

3. Исследовать своеобразие репрезентации фольклорного образа Бабы Яги в русском фольклоре — в текстах русских народных сказок (сборник А. Н. Афанасьева).

4. Исследовать поэтику образа в романе В. Качана «Юность Бабы Яги».

Теоретической базой исследования стали работы А. Н. Веселовского [7, 8], Б. А. Рыбакова [30], В. Я. Проппа [27, 28], К. Д. Лаушкина [20] Э. В. Померанцева [24], Е. М. Мелетинского [23], Ф. И. Буслаева [6], Е. А. Грушко [12], В. П. Аникина [2], А. А. Баркова [5], Е. Ю. Власенко [9], Ю. А. Шилова [36], Н. С. Шапаровой [35], С. А. Кошарной [19], В. К. Соколовой [32], А. Н. Малаховской [21], С. Т. Махлиной [22] и др.

В работе были использованы описательный и сравнительный методы.

Структура выпускной квалификационной работы. Выпускная квалификационная работа состоит из Введения, двух Глав, Заключения, Библиографического списка и двух Приложений.

Во Введении формулируется цель и задачи исследования, определяются актуальность и новизна исследования. В первой Главе представлен теоретический аспект темы ВКР, произведен обзор работ, посвященных поэтике фольклорного образа Бабы Яги, его происхождению, выявлены функции и атрибутика образа в сказках и представлены классификации, предложенные исследователями. Вторая Глава дипломной работы посвящена анализу романа В. Качана в аспекте функционирования и репрезентации образа Бабы Яги. В Заключении приведены основные выводы выпускной квалификационной работы. В Приложении 1 приведена этимология слова «Баба Яга». В Приложении 2 представлены биографические сведения о В. А. Качане. Список использованной литературы включает 38 наименований.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в рамках курсов «История русской литературы», «Устное народное творчество».

Апробация результатов работы.

Работа апробирована в рамках XIII международной научно-практической конференции молодых ученых «Язык. Культура. Коммуникация» (г. Челябинск, ЮУрГУ, 2018).

1. ОБРАЗ БАБЫ ЯГИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

1.1. Обзор исследований, посвященных образу Бабы Яги

Фольклор — важная часть духовной жизни наших предков, своими корнями уходящая в праславянскую культуру с ее языческими верованиями, обрядами, обычаями, а также соответствующим укладом жизни. Воплощая народное сознание, фольклор находит свое отражение и в современной литературе, во многом определяет ее стилевые и стилистические особенности. Однако вопрос о связи народного и авторского творчества по сей день является актуальным и дискуссионным. Одна из наиболее существенных проблем — сознательное и бессознательное использование фольклорных мотивов и образов и пр. Для русского фольклора значительный интерес представляют образы, которые характерны для многих произведений. Такие герои помогают совершить то, или иное действие / принять решение, которое сильно влияет на судьбу персонажа. Традиционно такие «кочующих» персонажи представлены следующими видами:

- Бессмертный Кощей (кащей) — всегда сугубо отрицательный персонаж. Зачастую состоит в сговоре с другими отрицательными героями. Традиционно смерть Кощея надёжно скрыта: она находится в яйце, яйцо находится в утке, утка находится в зайце, заяц находится в орле, а орёл сидит в ларце.

- Леший — фантастическое существо славянских преданий и русских сказок. Леший является главным хозяином леса у славян, следит, чтобы никто в его хозяйстве не навредил. Положительным персонажам он помогает выйти из леса, а отрицательных путает, заставляет ходить кругами. Место обитания лесного духа — глухая лесная чащоба, но иногда и пустырь. Однако он живёт в лесу не постоянно, а только в тёплое время года. По поверьям славян, на зиму дух проваливается под землю, где пребывает до весны, но

перед зимовкой леший беснуется: поднимает бурю, ломает деревья, разгоняет зверей по норам и свирепствует.

- Кикимора (шишимора, сусемдка, мымра) — персонаж славяно-угорской мифологии, а также один из видов домового. Злой дух в облике карлика или маленькой женщины, голова у которого величиной с напёрсток и тело тонкое, как соломинка. Кикимора обитает в доме за печью и занимается прядением и тканьем, а также проказит по ночам с веретеном и прялкой хозяев дома (например, рвёт пряжу). Считалось, что кикиморами становятся младенцы, умершие некрещеными.

- Баба Яга (первоначально — Яга Баба) — один из наиболее архаичных, а потому самых сложных и многогранных образов русского фольклора. По внешним признакам Баба Яга схожа с ведьмой — неряшливой, безобразной, злобной старухой с большим крючковатым носом и седыми волосами. Однако на этом сходство заканчивается. Данный персонаж более сложный и неоднозначный, чем может показаться на первый взгляд. Этот образ интерпретируют по-разному: от доброй волшебницы до хранительницы царства мёртвых.

В нашей работе мы обратимся к анализу одного из наиболее значимых персонажей фольклора, часто встречающегося в литературе и искусстве — Бабе Яге. Поэтика данного образа становилась предметом исследования А. Н. Веселовского, Б. А. Рыбакова, В. Я. Проппа, Н. В. Новикова, А. А. Потебни, Е. М. Мелетинского, Ф. И. Буслаева, В. Н. Топорова, Е. А. Грушко, Ю. М. Медведева, К. Д. Лаушкина, Н. И. Веселовского, М. П. Новикова, Ю. А. Шилова, В. С. Шульгина, Л. В. Кошман, Е. К. Сысоевой, М. Р. Зезиной, А. А. Бычкова, Д. О. Шеппинга, А. А. Коринфского и др.

Ведущую роль в изучении данного образа играют концепции В. Я. Проппа (реконструкция древнейших славянских верований на основе изучения составляющих фрагментов фольклорных текстов), В. В. Иванова и В. Н. Топорова (анализ на основе методов сравнительно-исторической и

лингвистической реконструкции мифологических образов), Б. А. Успенского (обоснование двух путей реконструкции славянских языческих культов: проспективного, основанного на данных индоевропейской сравнительно-исторической мифологии и ретроспективного, основанного на фольклорных источниках), В.И. Ереминой (систематизация изучения архаических явлений семейных обрядах), А. С. Байбурина (разработка типологической концепции в изучении обрядовой системы восточных славян) и др.

Существующие работы посвящены исследованию этимологии происхождения данного образа, интерпретации его сущности, описанию атрибутики, функциям в сказке и других жанрах и проч.

Например, ряд исследователей рассматривают образ Бабы Яги как архетип и один из ведущих женских мифологических образов. К. Д. Лаушкин, продолжая исследовать образ Бабы Яги в русле концепции В. Я. Проппа, пришел к выводу о «змеиной породе» одноногих (т. е. имеющих хромоту, ноги разного размера и пр. уродства ног) мифологических персонажей. На их древнее происхождение указывают рудименты зооморфного облика. Одноногость рассматривается автором как явный хтонический признак.

Почитание женских мифологических образов в весенне-летней календарной обрядности достаточно подробно представлено в работе В. К. Соколовой «Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — нач. XX в.». Автор монографии прослеживает взаимосвязь народно-христианских и демонологических персонажей с древнейшими аграрно-магическими культами и делает выводы о языческом происхождении почитания популярных в народе женских образов, носящих имена христианских святых. Работы В. В. Иванова и В. Н. Топорова посвящены лингвистической реконструкции славянского языческого пантеона. По мнению авторов, центральным звеном всей индоевропейской мифологии является грозовой миф, повествующий о поединке Громовержца со змеевидным Противником, в результате которого на землю проливается оплодотворяющий ее дождь. Третий персонаж этого мифа — древняя богиня, жена Громовержца,

похищенная его Противником. Согласно концепции вышеупомянутых авторов, к ее образу восходят все женские мифологические персонажи, в том числе и образ Бабы Яги.

Краткие сведения о женских мифологических персонажах содержатся также в работах Т. А. Агапкиной и А. Л. Топоркова, А. К. Байбурина, В. Л. Виноградовой, Л. Н. Виноградовой, Н. П. Гринковой, Т. А. Крюковой, Н. Н. Покровского, Л. В. Савельевой, О. А. Седаковой, С. М. Толстой, Т. Б. Щепанской и других исследователей восточнославянских верований.

Опираясь на этимологию образа, связь с мифологией и верованиями, внешнюю атрибутику и описание персонажей, выполняемые функции и проч., исследователи сходятся во мнении, что в образе Бабы Яги соединились черты многих древних персонажей, а также что подобный образ встречается не только в восточнославянском фольклоре. Именно поэтому столь различны функции, которые Баба Яга выполняет в разных сюжетах. Подробнее об этимологии слова «Баба Яга» можно прочитать в Приложении 1. Персонажей, сходных с Бабой Ягой, можно найти в германской, греческой и других мифологиях. Так, легко заметить сходство Бабы Яги и злой Лоухи, хозяйки сказочной страны Похьелы из финских сказок. Кроме того, существует версия, что Баба Яга — славянский вариант индусской богини смерти Кали, танцующей на могилах. Также, являясь символом смерти, Яга представляет собой одну из старух Тройственной символики. Она смерть, ведущая к перерождению. Любопытно, что в некоторых славянских сказках Баба Яга живет в избушке с двумя своими сестрами, олицетворяя собой тройственный союз Девушки, Матери и Старухи. Часто она описывается как хранитель Животворной и Смертельной воды. Когда герой умирает от ран, нанесенных ему мечом, стоит только оросить его тело смертельной водой — раны залечиваются, а животворная вода возвращает его из того света.

Исследователи проводят параллели между Бабой Ягой и персонажами других народов. Фольклористы отмечают, что Яга, фрау Холле, Морозко, людоеды и другие сказочные старики и старухи — все происходят от персо-

нажей, охраняющих вход в потусторонний мир. С этой же функцией связывается избежка Бабы Яги и пещера госпожи Метелицы.

Мужским аналогом Бабы Яги у восточных славян выступает Кощей Бессмертный. Его имя связано со словом «кость», и несёт идею циклически умирающего и воскресающего божества. Если в сказке появляется Кощей, то Баба Яга приходится ему матерью или тёткой.

Также отмечается связь образа Бабы Яги с образом хозяйки леса, лесной ведьмой (т. к. основная деятельность обусловлена ее тесной связью с дикими зверями и лесом). Ю. С. Степанов сравнивает лесную ведьму с образами других народов по ряду признаков. Он отмечает персонажей, имена которых, как и у Яги, имеют схожий корень *-ie*. Это древнеиндейская Яма (владыка царства мёртвых), латинский Янус (бог входов и выходов), греческая Иасо (богиня исцеления) и Ясон (буквально «целитель»). У Януса есть жена Иана, являющиеся его женской ипостасью, иногда встречается вариант «Диана». Также исследователь находит родство образа с германскими фрау Холле (Гольдой, владычицей царства мёртвых) и Бертой (Перхтой, связанной с плодородием земли и прядением) и аналогом этих персонажей — Штампом, имя которого переводится как «толочь, мять» и «тяжело ступать, топтать ногами», и связано со словами «ступа» и «ступать».

В современном фольклоре другими аналогами Бабы Яги является литовская богиня Рагана, а также греческая Калипсо, старуха Лоухи карельского эпоса Калевала и персонажи других мифологий.

В следующем параграфе мы рассмотрим основные классификации образа Бабы Яги, предложенные в фольклористике и литературоведении.

1.2. Классификации образа Бабы Яги

Наибольший вклад в понимание и изучения феномена Бабы Яги внёс В. Я. Пропп. Исследователь, изучив этнографический и мифологический материал, пришел к выводам, что данный образ имеет мифологическое происхождение и сходство со многими персонажами других народов и что в образе Бабы Яги соединились черты многих древних персонажей. Именно поэтому столь различны функции, которые Баба Яга выполняет в разных сюжетах.

О двойственной природе Бабы Яги также пишет Ю. С. Степанов. С одной стороны, этот образ — реализация, воплощение женского начала, один из ведущих женских образов, с другой — воплощение негативных черт разных мифологических героев. Таким образом, можно сделать вывод, что данный образ эклектичен и складывается из разных деталей — функций, сюжетных ролей, этимологии происхождения, атрибутики и проч.

Образ Бабы Яги является одним из распространенных символов и знаков современной культуры. Он получил отражение в разных видах искусства, опираясь на разные мифологические представления. Как пишет С. Т. Махлина, «Баба Яга — это единый текстуальный феномен, составленный из различных фольклорных и мифоритуальных традиций (шаманизма, тотемизма, анимизма, матриархата), так что ее статус, функция и полномочия меняются от сказки к сказке, от одной фольклорной зоны к другой, от рассказчика к рассказчику» [22].

Существуют различные классификации данного образа, предложенные исследователями на основе разных критериев (этимологии, функций и проч.). Традиционно, согласно классификации В. Я. Проппа, выделяется три типа образа Бабы Яги:

- 1) Яга-дарительница, от которой герой (героиня) получает волшебные дары (могучего коня, богатые дары, яблочко на серебряном блюдечке, волшебный клубок ниток, указывающий путь и т. д.);

2) Яга-похитительница (или людоед). Она похищает детей и пытается их изжарить, после чего следует бегство и спасение. Однако данный тип не однозначен и тесно связан с образом Бабы Яги-праматери и с обрядом инициации (например, существует традиционное толкование образа «гуси-лебеди» как души умерших, которые сопровождают праматерь);

3) Яга-воительница [26].

Опираясь на обзор основных исследований по теме, указанных в параграфе 1. 2. нашей работы, мы составили сводную классификацию образа Бабы Яги и дали ее характеристику в соответствии с атрибутикой и функциональной значимостью.

1. Образ хозяйки зверей и леса, лесной ведьмы

В своем исследовании В. Я. Пропп отметил, что основная деятельность Бабы Яги обусловлена ее тесной связью с дикими зверями и лесом. Она живет в глухой лесной чащобе, ей подчиняются звери и птицы, ее жилище охраняют голодные черные псы, черный кот, гуси-лебеди, черный ворон и проч.

Неотъемлемыми атрибутами данного образа являются связь Бабы Яги с дикими зверями, место жительства (темный лес, глухая нелюдимая чаща и т. д.), зооморфная избушка на курьих ножках и др.

Образ лесной Яги-колдуньи восходит к древнейшим представлениям о Великой Матери мира — хозяйке зверей, прародительнице всего живого, ведающей судьбами людей и наделяющей шаманов их сверхъестественной силой. Яга-колдунья мыслится как повелительница птиц и разных лесных тварей: «Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом — и вдруг, откуда только взялись — налетели всякие птицы» [26]. Почти во всех сказках о Бабе Яге присутствует ворон. В народе он символизирует беды. Также в жилище Яги нередко можно встретить черную кошку — символ нечистой силы. Ей верно служат гуси-лебеди, серые волки, рыбы и морские чудовища. Действует Яга, как настоящая ведьма: в погоне за братьями она использует огненный щит, которым «палила и жгла на все четыре стороны» («Баба Яга и Заморышек»). Обычно она передвигается по воздуху в деревянной или же-

лезной ступе, погоняя пестом или клюкой, а помелом замечает след. Также, у ведьмы есть кобылица, на которой она «вокруг света» облетает каждый день («Марья Моревна»).

2. Образ ведуньи, знахарки

Тесно связан с образом Яги-лесной колдуньи и образ Бабы Яги как целительницы, ведуньи, знахарки, живущей вдали от поселений в глубине леса. В ее власти оказывается таинственная, неизведанная (а потому страшная) для людей область, связанная с лечением, здоровьем, смертью и жизнью и проч. Она собирает различные корни и травы, сушит их и делает различные настойки, к ней приходят за помощью герои. Здесь прослеживается тесная связь с Ягой-дарительницей.

3. Образ мертвеца, привратницы, охраняющей переход из мира живого в мир мертвых.

Неотъемлемыми атрибутами, связанными с этим образом, являются проживание около реки, Калинова моста (как символов врат в «потусторонний» мир и перехода между двумя мирами), происхождение и функции избушки на курьих ножках, описание Бабы Яги (костяная нога, «нос врос» и проч.), обряд кормления и омовения героя, характерная атрибутика (забор с черепами, кости, столетняя пыль и проч.), хозяйка живой и мертвой воды (или знаний о них) и др.

Яга в сказках выступает именно как привратница, стерегущая границу между миром живых и миром мертвых, и проводница в иной мир, позволяющая герою проникнуть в мир мёртвых, благодаря совершению определённых ритуалов (испытаний). Важным аспектом этого образа видится принадлежность её сразу к двум мирам — миру мёртвых и миру живых.

А. Л. Баркова трактует в связи с этим происхождение названия курьих ног, на которых стоит изба знаменитого мифического персонажа: «Её избушка “на курьих ножках” изображается стоящей то в чаще леса (центр иного

мира), то на опушке, но тогда вход в неё — со стороны леса, то есть из мира смерти» [5], т. е. избушка на курьих ножках — это своего рода «дверь» в мир мёртвых, имеющая связь с домовиной, связанных с древним обрядом похорон.

Благодаря текстам сказок можно реконструировать и обрядовый, сакральный смысл действий героя, попадающего к Бабе-Яге: «После узнавания героя по запаху (Яга слепа) и выяснения его нужд, она обязательно топит баню и выпаривает героя, совершая таким образом ритуальное омовение. Затем кормит пришедшего, что тоже представляет собой обрядовое, “покойницкое”, угощение, непозволительное живым, чтобы те случайно не проникли в мир мёртвых. пришелец через испытание едой доказывает Яге искренность своих побуждений и показывает, что он-то и есть действительный герой в отличие от лжегероя, самозванца-антагониста» [27].

4. Образ злого существа, совмещающего черты разных отрицательных персонажей.

В ряде сказок образ Бабы Яги трактуется как существо злобное, включающее в себя собирательные черты разных отрицательных персонажей. В одних сказках она изображена как злая ведьма («Баба Яга и Заморышек»), зловещий дух под личиною безобразной старухи: «Стоит Яга во лбу рога», «кости у нее местами выходят наружу из-под тела, сосцы висят ниже пояса». Также она выступает в роли похитительницы детей («Гуси-лебеди», беспощадной людоедки («Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри») и обладает страшной силой (в сказке «Баба Яга» она перегрызает дремучий лес, когда устремляется в погоню).

Отрицательность Бабы Яги подчёркнута во всём её образе: главные герои обычно испытывают по отношению к ней отвращение и ужас. Такой она является, по мнению В. П. Аникина, в поздних сказках, «где образ Бабы Яги оброс чертами средневековых ведьм, и где, как правило, происходит наказание Бабы Яги и расправа над ней» [2] (например, в сказке про Терешечку,

мальчик, которого она хотела съесть, зажав в печи, хитростью заставил ее лечь на лопату, якобы показать, как нужно правильно ложиться, чтобы попасть в печь. В итоге она сама оказывается в горячей печи).

5. Образ жрицы связан с ритуальными действиями — обрядом инициации детей / героев (возвращение живым после встречи с Бабой Ягой, посадка детей в печь, кража детей, людоедство и проч.)

Этот образ — одна из интерпретаций образа Яги-похитительницы, в основе которого лежат представления о древнем колдовском обряде инициации — посвящения юношей в охотники, введения их в определенную возрастную группу. В древнейшие времена этим сложным ритуалом, церемонией посвящения юношей в охотники, могла руководить женщина-ведунья. Такая женщина символически представляла все ту же Великую Мать, богиню — повелительницу и прародительницу животных, связанную с потусторонним миром. Образ такой «ведающей» женщины вполне мог послужить основой для создания сказочного образа Бабы Яги, приходящей из леса, похищающей детей (т. е. уводящей их для обряда инициации) и стремящейся изжарить их в печи («убить ребенка, чтобы родился мужчина»), а также дающей советы и помогающей избранным героям, выдержавшим испытания. Вместе с тем такие атрибуты Бабы Яги как лопата, которой она забрасывает в печь детей, также согласуются с обрядовой интерпретацией сказок.

6. Образ женщины (Праматерь, женское начало, триединство юности, молодости, старости).

Лесная Яга мыслится как Великая Мать мира — хозяйка зверей, прародительница всего живого, ведающая судьбами людей и наделяющей шаманов их сверхъестественной силой. Также, являясь символом смерти, Яга представляет собой одну из старух Тройственной символики — юность, молодость, старость.

Она смерть, ведущая к перерождению. В некоторых славянских сказках Баба Яга живет в избушке с двумя своими сестрами, олицетворяя собой тройственный союз Девушки, Матери и Старухи. Часто она описывается как хранитель Животворной и Смертельной воды. Когда герой умирает от ран, нанесенных ему мечом, стоит только оросить его тело смертельной водой — раны залечиваются, а животворная вода возвращает его из того света.

Также существует гипотеза, что Баба Яга — защитница и покровительница детей и сирот. При становлении христианства её первоначально перевели в пантеон тёмных богов, а затем сделали вообще полумёртвым персонажем русских сказок. Вечно молодая красавица-богиня, стала старой уродливой старухой. Доброе божество, помогающее и защищающее детей, превратилось в людоедку. Слово «баба» тоже стало нести пренебрежительный смысл, а раньше это слово подчёркивало красоту и достоинство матери, женщины. Облик прекрасной богини стирался из памяти не быстро, а потому сейчас можно найти огромное количество подобных сказок с противоречиями и отличиями. Где-то облик богини претерпел уже обратные изменения и стал доброй Ягой-дарительницей, помощницей, всё знающей советчицей (а всё знать — удел богов). Где-то образ находится в неопределённом состоянии, толи хороший, толи плохой — это и Яга-воительница, и Яга-испытательница. А в некоторых сказках, Яга так и осталась злой ведьмой, каргой с костяной ногой. В поздних славянских преданиях Яга описывается уже не как вечно молодая и могучая темная воительница, а как дремучая старуха, одним своим видом наводящая ужас на любого. С этим связаны сюжеты о том, что состарившаяся и обезображенная Баба Яга пыталась обрести утраченную молодость и красоту путем различных зловещих, магических обрядов (например, питаясь душами людей, которые ей в уплату за помощь приносила Мара).

7. Образ богини (одна из богинь славянского пантеона, связь с одноногими божествами, змеевидными и проч.).

Многие ученые сходятся во мнении, что образ Бабы Яги имеет божественное начало, опираясь и на теорию о том, что она — прародительница человеческого рода, мать всех зверей, персонаж двух миров (мира мертвых и мира живых) и проч. Такова, например, точка зрения М. Гимбутас: «Богини, которые достались нам в наследство от старой Европы, такие как греческие Афина, Гера, Артемида, Геката, римские Минерва и Диана, ирландские Морриган и Бригита, балтийские Лайма и Рагана, русская Баба Яга, баскская Мари и др. — это не “Венеры”, которые несут плодородие и прогресс, они <...> гораздо более чем только это. Перечисленные дарительницы жизни и вершительницы судеб являются “властительницами” и как таковые сохранились в индивидуальных верованиях очень долго, несмотря на то, что их сбросили с пьедесталов, милитаризировали и скрестили с индоевропейскими божественными невестами и супругами» [10]. Образ Бабы Яги олицетворяет главу потустороннего мира. Не случайно во многих сказках присутствует камень, стоящий у дороги. Положительный герой обязательно выбирает тот путь, где он «встретит смерть». Этот символ метафоричен — герой уходит в мир предков, где и получает все дары. Таким образом, можно вычленить мораль традиционной русской сказки: только тот, кто соблюдает обычаи, обращается к мудрости предков, обретает все блага на Земле.

В некоторых сказках Баба Яга — мать змеев, противников богатыря, а также и сама соотносится со змеевидными божествами. В мифологии происхождение Бабы Яги связывается с язычеством. Её считали ведьмой, восседающей в железной ступе и принимающей кровавые жертвы.

Еще одна из интерпретаций образа Бабы Яги как божества с сюжетами древнеславянской мифологии, в которой Баба Яга (Яга, Яга Виевна) представляет собой темную колдунью, дочь Вия, жену Велеса [4].

8. Образ воительницы

Также в ряде представлений Яга считалась величественной воительницей, способной в одиночку противостоять множеству врагов. В качестве неотъемлемых атрибутов данного образа указывается ее первозданная неумная сила, огненная буря или столп, ее сопровождающий, кости и черепа поверженных богатырей, поединок с богатырем, пест как оружие (например, «Едет на ступе баба Яга, подъехала к старику и заругалась... Ударила старика пестом, старик повалился») и т. д.

Буря-яга или Баба Яга стояла на страже границы, отделяющей мир живых от загробного. Она не позволяла непосвящённым познать тайны бытия и смерти. Яга наделена безграничной мудростью, так как одновременно видела обе стороны жизни. К Бабе Яге, как к последней надежде, часто обращались оказавшиеся в безвыходной ситуации русские богатыри, моля ее направить на верный путь. Таких богатырей Баба Яга испытывала на прочность, предлагая помериться с ней силой или хитростью. Если побеждал соперник, Яга без лишних пререканий указывала ему дорогу и помогала советом, если же проигрывал, то мог поплатиться за это жизнью.

Каждый из этих типов имеет свои специфические черты, но кроме того есть черты, общие для всех типов. Исследователи выделяют следующие характерные признаки образа Бабы Яги:

— специфические портретные характеристики (например, клыки, наличие костяной ноги или одноноготь и проч.);

— символы «пограничного» пространства (избушка на курьих ножках, наделённую зооморфными чертами, глубокий, «дремучий» лес как знак отшельничества, мост или река, камень / развилка и проч.);

— магическая атрибутика (ступа и пест как средства передвижения). Данная черта роднит Бабу Ягу с ведьмами: они всегда использовали средства домашнего обихода как в качестве личного транспорта — летали на лопатах, метлах и пр.

— специфика хронотопа (связь с потусторонним миром, переходность)

— функции в сюжете. (Традиционно Яга-дарительница появляется, когда главному герою нужна помощь, а Яга-похитительница — когда дети остаются одни. Появление Бабы Яги как антагониста связано с кульминационной частью сказки. Развязка обычно символизирует победу главных героев над Бабой Ягой);

— выполнение специфических функций — когнитивной, воспитательной, коммуникативной.

Проанализировав существующие классификации и черты фольклорного образа Бабы Яги, в следующем параграфе мы обратимся к репрезентации данного персонажа в произведениях современных авторов.

1.3. Развитие образа в современной литературе

Многие современные авторы обращаются к образу Бабы Яги в своем творчестве. Например, данный образ широко использовался авторами современных литературных сказок — например, Э. Успенским в повести «Вниз по волшебной реке». Частое обращение к образу Бабы Яги можно найти в произведениях фэнтези (например, в романе «Черная Кровь» Ника Перумова и Святослава Логинова).

Сатирическая интерпретация представлена в цикле Д. Емеца «Таня Гротер», где Баба Яга выведена в образе древней богини, целителя Тибидохса — Ягге. Этот же образ является одним из основных в сказке Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца».

Одним из основных источников образа Наины Киевны Горыныч, персонажа повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» также стал образ Бабы Яги.

Баба Яга является одним из отрицательных персонажей в сериях комиксов «Хэллбой» М. Миньолы В отличие от большинства современных литературных интерпретаций в данном произведении образ Бабы Яги не несет сатирической нагрузки.

Также образ Бабы Яги в качестве положительного героя эксперта-криминалиста встречается у А. Белянина в цикле произведений «Тайный сыск царя Гороха». Значительную известность получил роман хорватской писательницы Д. Угрешич «Снесла Баба Яга яичко», где автор активно использует мотивы славянского фольклора, в первую очередь, сказок о Бабе Яге.

Существуют произведения, касающиеся разных аспектов этого образа, например, детство и юность Бабы Яги в современной литературе впервые встречаются в повести «Лукоморье» А. Аливердиева (первая глава повести опубликована в журнале «Звездная дорога» в 2000 году). Позже был написан рассказ А. Гравицкого «Ягодка», роман В. Качана «Юность Бабы Яги», роман М. Вишневецкой «Кашей и Ягда, или Небесные яблоки» и др.

Значительный интерес в контексте темы нашей работы представляет роман В. А. Качана «Юность Бабы Яги». Проза Качана носит иронично-обличительный характер: в центре сюжета героиня с множественными пороками, за которые в конце получает соразмерное наказание. Первый роман В. Качана «Роковая Маруся» открывает тему театральной любви, которая спустя десять лет трансформируется в «Юности Бабы Яги» из искусства ради искусства в синтез чувств и телесности с прагматичным расчетом на выгоду. Наибольший интерес для исследования представляет двучастный роман «Юность Бабы Яги», в котором писатель апеллирует к одному из важнейших фольклорных образов.

К анализу романа «Юность Бабы Яги» мы обратимся во второй главе нашего исследования.

2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА БАБЫ ЯГИ В РОМАНЕ В. КАЧАНА «ЮНОСТЬ БАБЫ ЯГИ»

В. Качану принадлежит несколько книг: «Роковая Маруся» (1999), «Улыбайтесь, сейчас вылетит птичка» (2000), «Юность Бабы Яги» (2007), «Арт-пасьянс» (2011). Сам он утверждает: «Для меня литература — это очень интересная работа, вот так скажем. Потому что она объединяет в себе музыкальный ритм и мелодию прозы, потому что в прозе должна быть мелодия. Я вообще думаю, что в литературе не главное про что, а ставится вопрос как, как ты сделаешь это. Как ты одни и те же слова оформишь во фразы, а фразы в мысли. И поскольку на этих страницах прозы ты сам себе и артист, и осветитель, и костюмер, и режиссер, разумеется, все это в одном флаконе находится» [38]. К роману «Юность Бабы Яги» прилагается переиздание «Роковой Маруси» — любовно-театрального литературного произведения конца 1990-х годов. В обоих произведениях показана трансформация любовной темы — от искусства ради искусства до антрепризы тела и чувства в расчете на успех.

В центре романа «Юность Бабы Яги» — судьба маленькой девочки Виолетты, обладающей демонической красотой, затем становящейся расчетливой женщиной, всё так же сводящей с ума своей внешностью. Девушка безнравственна, цинична и не способна любить, зато умеет идти «напролом» и переступать через любое препятствие.

Автор проводит Виолетту через различные жизненные препятствия, давая волю её порокам. В конечном итоге девушка трансформируется в Бабу Ягу. Этот образ аллегоричен, он сосредотачивает в себе всё так называемое «зло»: безнравственность, жестокость, цинизм, ложные ценности. В следующих параграфах мы обратимся к образу Бабы Яги в романе В. Качана, его специфике и особенностях интерпретации.

2.1. Специфика интерпретации образа Бабы Яги в романе

Проводя свою героиню через различные жизненные ситуации, В. Качан раскрывает всю её отрицательность, процесс трансформации в Бабу Ягу. Автор описывает героиню как молодую девушку, имеющую «определенные задатки для того, чтобы пройти вполне закономерное эволюционное развитие в Бабу-ягу. Развиться в Бабу-ягу непросто, тут надо сильно постараться, надо пройти весь путь до конца, все этапы. Каждый промежуточный греховный экзамен должен быть сдан на “отлично”, и только тогда можно будет идти дальше, чтобы в конечном счёте заслужить звание Бабы-яги» [18]. В образе Виолетты автор неоднократно подчеркивает ее женское начало, выраженное в ее красоте, обладающей колдовской силой и притягательностью (связь с фольклорным представлением Бабы Яги как одним из основных женских образов, изображением ее в виде молодой девушки удивительной красоты): «Вета обещает стать улучшенной копией матери. Возьмёт всё лучшее, а уж сохранить подольше постарается: и безупречную фигуру, которой не позволит расползтись, как у мамы, и лицо, на которое можно смотреть часами и скучно не будет; и эти длинные рыжие глаза, которые иногда становились совсем темными и звали мужчин черт знает куда, глаза, зовущие делать глупости» [18].

Однако современная интерпретация образа в романе всё же отличается от традиционных представлений о Бабе Яге: созревание героини не гиперболизировано и уродливо, как в сказках, а наоборот, тяготеет к женственности. Развивающееся уродство связано не с физическим состоянием героини, а с духовным, и отражается в ее поступках.

Создавая образ главной героини, писатель отмечает её уникальность, отличие от стандартов существующей женской красоты: «Внешность Виолетты не была классически безупречной, там могли быть и какие-то неправильности, но это не играло роли, потому что (пусть оно и сказочно, и чуть-чуть смешно), потому что действовали чары (впрочем, их можно назвать и

обоянием). И не только как родовое наследие, но и талант, который Вета уже умела то запускать в действие, то выключать, чтобы никто особенно не привязывался» [18].

Неоднократно подчеркивается ум, прагматичность, сообразительность, хитрость героини, что проявляется уже в подростковом возрасте: «Несмотря на свои реальные 15 лет, Вета была очень развитой девушкой. Не только внешне. Она много читала и много думала, оставаясь одна часто, а оставалась одна она часто. Список литературы, который Вету интересовал и который она частично уже освоила, мог бы Сашу сильно удивить. Там были такие фамилии, такие книги, о которых обычные школьницы даже и не слышали. Кроме того, там было несколько трудов по приватной магии (и белой, и чёрной), представляющей для неё с детства особый интерес...» [18].

Исключительность и двойственность героини подчеркивается автором уже на уровне имени — Виолетта Жмыхова, где «оперетточность» имени сочетается с «несочетающейся», сниженной фамилией (в этом соединении показана истинная «низменная» натура героини при чарующей красоте и невинности). Примечательно также, что раз речь идет о юности, то и зовут героиню сокращенным именем: «опереточная пышность ее полного имени несколько затрудняла общение» [18].

Помимо исключительной красоты, околдовывающей мужчин, характеру героини свойственны раскрепощенность, свободолюбие, своенравность, порочность и проч. Эти качества роднят образ Виолетты с традицией изображения «роковой» женщины в литературе. Например, прослеживается интertextуальная связь образ Виолетты с образом Оли Мещерской из «Лёгкого дыхания» И. А. Бунина, которой также пятнадцать лет. Бунин показывает её как очень красивую, раскованную и свободолюбивую девушку. Именно внутренняя независимость порождает лёгкость как душевное состояние героини Бунина. Однако, в отличие от Виолетты, она символизирует чистое духовное начало. Образ, представленный в романе В. Качана, имеет другую интерпретацию.

На уровне внешней исключительности Виолетту можно сравнить с главной героиней одноимённой новеллы Проспера Мериме Кармен. Как и Виолетта, цыганка не обладала «шаблонной» красотой среди испанцев: «То была странная и дикая красота, лицо, которое на первый взгляд удивляло, но которое нельзя было забыть. В особенности у ее глаз было какое-то чувственное и в то же время жестокое выражение, какого я не встречал ни в одном человеческом взгляде» [28].

В образе Виолетты, как и у Кармен, на подсознательном уровне заложено чувство свободы и независимости. Красота связана с разрушительностью, колдовской силой, демоническим и проч. Как и у П. Мериме, образ Виолетты в романе В. Качана имеет тесную связь с образом Бабы Яги-колдуньи.

Примечательна также связь героини с образом Лолиты В. Набокова. Она, как и Виолетта, сочетает в себе непокорную женственность, губительную красоту, невинность и порок. Однако, гиперболизируя порочность образа Виолетты, В. Качан иронично подчёркивает, что его главная героиня «с опереточным именем в разы импозантнее Лолиты»: «...набоковская Лолита показалась бы по сравнению с Ветой замшелой старой девой с поясом верности, запертым на ржавый амбарный замок» [18]. Виолетта, лишенная настоящей родительской (в большей степени отцовской) любви, бунтуя против матери, аристократического поведения отчима, нравов общества, цинично планирует разрушение семьи, устранение соперницы (матери) и т. д.: «Неприступный отчим будет хотеть ее везде, где бы они ни оказались, и в любых положениях — стоя, сидя, лежа, по-всякому, и тогда их семейный очаг сгорит дотла, превратится в пыль, в пепел!» [18].

Мотив соперничества также является одним из важных мотивов романа — Виолетта постепенно устраняет всех вокруг себя (и мужчин, и женщин), что отсылает нас к традиционной характеристике Бабы Яги как отшельницы, окруженной одиночеством и таинственностью. Виолетта избавляется от единственной подруги, похожей на нее и внешностью, и поведением, и даже исключительным именем (Анжелика Крысюк), затем — от матери —

вечной соперницы и по красоте, и по отношению к отчиму: «Она ей не соперница. Сорокалетняя, почти всегда пьяная тетка, неопрятная и некрасивая, соперницей быть не могла. 20 лет назад могла бы, а сейчас — нет. Даже 10 лет назад она еще была красива, ярко, вызывающе красива, на нее всегда оборачивались на улице встречные мужчины, но уже тогда почему-то можно было себе вообразить, какой она станет позднее, во что превратится; представить не без сожаления, как время и образ жизни искалечат ее черты» [18].

С другой стороны, главную героиню романа В. Качана можно вписать в традицию изображения «лишнего человека» в русской литературе: она совершенна внешне и внутренне, с лёгкостью играет на чувствах людей. Виолетта — женская версия «Героя нашего времени». Как и Печорин, она эгоистична, хладнокровна и жестока: она делает несчастной мать, бросает отчима, разбивает сердце поэту и другим мужчинам, относится к людям «потребительски». В отличие от Печорина, ей не скучно жить: девушка упивается красивой жизнью, вниманием и своей безупречной игрой.

Кроме этого, роман В. Качана изобилует интертекстуальными связями, начиная от упоминаний известных образов (например, армянин Гамлет с женой Дездемоной и другом Ромео), интерпретаций известных монологов (отсылка к монологу Чацкого в речи поэта Саши) до аллюзий на уровне сюжета и архитипических образов и мотивов (трансформация образа Бабы Яги). Например, безудержное веселье как черта характера главной героини и ее отношение ко всему сквозь призму телесного, физического, плотского наслаждения тесно связана с карнавальной культурой и отсылками к эстетике карнавала. Героиню сопровождает «парад диковинных имен», не вписывающийся в советскую действительность, присутствует фантасмагоричность в описании некоторых сцен (например, встреча с армянами Ромео и Гамлетом), сумятица бразильского карнавала описывается как ничто по сравнению с безумством и порочностью лета в Севастополе («Рио по сравнению с Севастополем в период фестиваля мог бы показаться унылым погостом, глухой осенней порой во время дождя» [18]) и проч. На жанровом уровне можно

найти черты романа становления, т. к. главная героиня проходит определенные ступени развития, неоднократно находится в ситуации нравственного выбора. Ее путь трансформации в Бабу Ягу описан как череда поступков, связанных с мужчинами (поэт Саша, отчим Герасим Петрович и проч.). Ненависть Виолетты к мужскому полу заложена с рождения, заключена в самой ее природе. В этом аспекте также наблюдается связь с поэтикой образа Бабы Яги как воплощения традиционной борьбы женского и мужского начал: «Отца своего Вета никогда в жизни не видела, и единственным, что она от него унаследовала, было отчество Антоновна и фамилия Жмыхова, которую она ненавидела всей душой». Отсюда родственность с образом колдуньи, суккуба, изводящего «добрых молодцев». С отчимом нормальных отношений не сложилось, т. к. к нему она испытывает чувство физического влечения. «Очаровательный и очень талантливый разгильдяй» Саша также стал заменителем, «дублером первого мужчины» Виолетты и т. д.

Во многом действия и слова Виолетты по-женски интуитивны: героиня верно подбирает модель поведения со всеми жертвами, в том числе и поэтом Сашей Велиховым. В этом образе представлена образ романтической любви с влюбленностью с первого взгляда, стихами, сильными чувствами, рассуждениями о смысле любви, опрометчивыми поступками и проч.: «Только поэт способен испытывать восторг от полёта в пропасть; ему неважно, что он разобьётся об острые камни внизу, ему важно само это гибельное парение, призрачное счастье коротких мгновений, пока летит» [18].

Виолетта предстает для такого типа героя в образе юной, невинной девушки, верной, романтической возлюбленной с богатым внутренним миром, которой свойственны поэтичность, шарм: «Такое юное существо, а уже знает, догадывается, что надо делать, какие кнопки нажимать с такими, как поэт Саша Велихов. Она знает, что таким одного тела, одной физиологии — мало; им нужна серенада и никак не меньше» [18].

Примечательно, что именно с поэтом-песенником Сашей Виолетта на миг станет искренней и настоящей: героиня находит в нём не только посред-

ственного, падкого на физиологические инстинкты человека, которых в её жизни будет много, но родственную душу, собеседника, с которым можно поговорить на «высокие» темы: «Вета бросилась его целовать. Она знала цену того, что только что услышала. Сашу можно было не только любить, не только использовать, его можно было ещё и уважать. А Вета мало кого уважала» [18].

Образ поэта-песенника включён в роман неслучайно: он символизирует положительное, светлое начало. «Дорога», которую выбирает поэт, в спокойную, в каком-то плане идиллическую жизнь. Встретив его, у героини был выбор принять этот путь: «Поэт Саша и есть такая промежуточная ступенька. На ней героиня могла бы споткнуться, остановиться и, даже, подумав, повернуть назад» [18].

Однако Виолетта не повернула и выбрала свою «дорогу», полностью противоположную всему положительному: дорогу наигранных чувств, разврата, лжи и подобных пороков. Героиня оказывает сильное влияние на судьбы встречающихся ей персонажей, кардинально меняя их судьбы. Например, Саша Велихов уходит в запой и предаётся разгульной, богемной жизни: «После того как Вета сбежала от него на корабле, Саша запил. Вообще-то говоря, он был не склонен к такого рода средствам забвения, но что-то в этом случае его сильно зацепило. Состояние было похоже на постоянную тупую боль, как от нарыва... И после трёх дней мрачного бессознания (то есть не выходя из каюты, лицом к лицу с ящиком водки и лёгкой закуской в виде картофельных чипсов Сашу надо было срочно вытаскивать из алкогольной воронки, в которую он неосмотрительно угодил» [18].

С другой стороны, автор воплощает в образе Саши гениальность и чистоту чувств. Всякий раз влюбляясь, поэт искренен и всецело отдаётся чувствам. Автор иронично называет это «любовно-поэтическими приступами» или «гибельным парением»: «Он уехал домой, и личная жизнь понемногу стала налаживаться. Пусть до следующего любовно-поэтического приступа,

но когда он ещё будет — неизвестно, может, Саша теперь уже окончательно успокоится... хотя, зная его, рискнём предположить, что вряд ли» [18].

Один из «двойников» образа поэта Саши — герой комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Александр Андреевич Чацкий. Сравнивая знаменитый монолог Чацкого с монологом героя Качана, можно обнаружить немало сходств:

Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой — и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут!
Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором, —
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы прáвы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездук [11].

Герой Грибоедова, как и Саша Велихов, чувствует фальшь высшего общества, с которым находится в конфликте. Он остроумен и саркастичен, но в то же время глуп и наивен по части чувств. Как и классический «лишний» персонаж Велихов чувствует свою отчуждённость от современного общества, которое в романе воплощено в образе шоу-бизнеса: «... Мне уже не нужно, я уйду. Одного не пойму, неужели же вам, никому из вас, совсем,

совсем не стыдно? Вот сын тебя спросит, <...> чем ты, папа, занимаешься на ТВ? Ты называешься-то как? Художественный руководитель! А чего художественного в том, что ты покажешь простыню из спальни какой-нибудь Алёны Лапиной? Или она расписана Сальвадором Дали? А вы, кстати, знаете, кто это такой? <...> И что ты сыну ответишь? Правду? Так он тебя тогда совсем уважать не будет. Ладно, всё равно бесполезно. Будьте здоровы. Творческих успехов вам. <...> Кстати, интересно, сам-то предмет, звёзды те самые, стоят того, чтобы им такое внимание уделять? Ну, кто-то из них — пожалуй, но большинство-то? Если бы они были вправду звёзды, они бы так быстро не гасли, нет?.. Получается, вы не астрономы, наблюдающие за звёздами, а обслуживающий персонал всякого эстрадного хлама, так? Рейтинг ваш любимый, если уж на то пошло, выше всех у наркотиков и автомата Калашникова. Вы туда стремитесь?» [18].

Данный монолог иллюстрирует всю враждебность и сарказм автора по отношению к российскому шоу-бизнесу. Герой всю жизнь презирает высшее общество и мечтает «служить искусству», однако вынужден растрачивать свой талант на создание массового продукта.

2.2. Мотивы, связанные с образом Бабы Яги

В романе можно выделить традиционные мотивы и образы, связанные с образом Бабы Яги. Например, *мотив дороги*, представленный в романе и как описание перемещения главной героини, так и описание ее жизненного пути и пути героев, встречающихся ей. Или *мотив страха* связан с устрашающим цинизмом, расчетливостью, жестокостью, манипулированием людьми, безразличием и всепожирающим безумным весельем, проявляющимися в Виолетте.

Одним из главных мотивов романа В. Качана является мотив дороги. Героиня проходит определенный путь нравственного развития, на что влияет и ее физическое перемещение в романе (поездка в Севастополь, уход из дома

и проч.). Поэт Саша проходит непростой путь от душевного и творческого кризиса до реабилитации и возрождения. В эпилоге романа образ дороги достигает апогея своей аллегоричности: «Улыбаясь каждый своему, ехали в машине два человека. Они ехали в одной машине, но совсем в разные стороны. Вроде бы по одной дороге, но на самом деле их было две. Две дороги. Тёмное шоссе бежало им навстречу, а фары освещали только ближнее пространство. Серые клочья облаков на несколько секунд приоткрыли идеально полную луну» [18] В данном отрывке наиболее ярко представлена антитеза сюжетных линий главных героев. Можно предположить, что данная картина вполне символична: дорога — судьба главных героев, тёмное шоссе — туманное будущее, а свет фар — неуловимое настоящее. «Идеально полная луна», казалось бы, символизирует грёзы и надежды героев, которые исчезают также быстро, как и появляются, «через несколько секунд».

Название романа делает акцент именно на юности главной героини. Таким образом, автор стремится показать, что все поворотные моменты, повлиявшие на судьбу Виолетты, произошли именно в подростковом возрасте. В русской и зарубежной литературе существует множество примеров того, как детские годы сформировали личность героев. Илья Ильич Обломов в одноимённом романе И. А. Гончарова, будучи избалованным ребёнком, превратился в ленивого аморфного барина. Главный герой романа Эмили Бронте «Грозовой перевал» Хитклиф, столкнувшись в юношеские годы с жестокостью и непониманием, возненавидел людей, стал жестоким домашним тираном, нёсшим разрушение и атмосферу вечного скандала. Главная героиня Р. Качана уже с детства тяготела к отшельничеству, которое впоследствии сыграло не последнюю роль в её трансформации.

Тяготение к магии показывает, что главная героиня больше схожа с образом Бабы Яги-ведьмы. *Мотив колдовства* проходит через весь роман. Автор с иронией описывает общество магов, в котором состояла мать героини: «Сказочная логика всего интерьера “Живительного родника” требовала, конечно, чтобы были ещё несколько дверей с табличками завлекательными и

вызывающими алчное любопытство: скажем, “Кикимора”, “Домовой”, “Упырь” и дни приёма. Список можно было бы продолжить, героев мирового фольклора ещё множество, однако лучше всего было бы ограничиться всего одним кабинетом с неопасной и привлекательной табличкой “Волшебник”. Ну и хорошо бы ещё аквариум где-нибудь в конце коридора и возле него скромное объявление: “Золотая рыбка. Три заветных желания. Удочки оставлять при входе”» [18].

В непринуждённой саркастичной манере писатель высказывает скептически-отрицательное отношение к теме магии и колдовства. Перед тем, как вступить в этот союз волшебников, героиня должна была пройти обряд посвящения: «Вот такой чёрный маг, а проще — колдун, и должен был сделать Виолетту женщиной, когда ей исполнится 16 лет. И не она его выбирала, он был ей назначен ведьмами и колдунами со стажем, близкими и дальними родственниками Ветиной мамы. Именно самый сильный колдун назначался для такой миссии. Потому, вероятно, что его тёмная всеохватная сила должна была проникнуть в нетронутую девушку и сделать её моментально своей, одной из них» [18].

Здесь можно проследить связь с инициацией — древнеславянским обрядом, который выступает для человека символом начала новой жизни. Инициация как обряд у наших предков проводилась регулярно. Примечательно, что участниками таких обрядов выступали в первую очередь дети, которых посвящали во взрослую жизнь. Для будущей Бабы Яги такая жизнь знаменовалась вступлением в ряды магов и повторением судьбы матери — одного из двойников главной героини. Неслучайно автор называет Виолетту «улучшенной копией матери»: «Елизавета праздновала свой тридцатый день рождения и была в то время ещё очень хороша собой: крашеная блондинка с фигурой, близкой к совершенству, губами цвета спелой клубники и потому незнакомыми вовсе с губной помадой, с глазами глубокими, чёрными, как антрацит, и с таким же, как у этой разновидности угля, блеском» [18]. Однако

со временем облик женщины изменился в худшую сторону, она стала быстро стареть и «в свои 40 выглядела на 60» [18].

Изначально протест главной героини состоял именно в неприятии общества магов и его устоев: «Она знала, что её ждёт, но так давно уже ненавидела свою среду и свою маму, всех, кроме случайно затесавшегося туда Герасима Петровича, что ещё год назад замыслила побег и решила, что назначенному колдуну с ней ничего не обломится» [18].

Однако, несмотря на это неприятие и отчуждённость, героиня всё же трансформируется в Бабу Ягу и повторит судьбу матери. Автором широко раскрывается тема ненависти: «гроздя гнева» главной героини копятя по мере знакомства с потусторонним, магическим миром, который представляется ей грязным и отравляющим саму свободолюбивую природу человека. Вся эта ненависть выливается в чувство жалости по отношению к отчиму и острое желание освободить его от оков супружеской жизни: «Он, бедный, действительно так и не познал из-за матери ни настоящей любви, ни настоящей женщины, он и не подозревал, что гуляет по жизни на длинном поводке, в строго ограниченном маминой волей пространстве: “Я освобожу Герочку, моего хорошего, заколдованного моего! Я его расколдую, моего родного, от чар злых, от любви худой, от приворота чёрного”» [18].

Примечательно, что уже на уровне мысли у главной героини проявляются задатки Бабы Яги. По отношению к своему отчиму она избирает иную, чем в первом случае, модель поведения: общение с ним она строит на чистой телесности, без высоких чувств. В этом случае она выступает как дарительница: освобождает его от приворота матери и делает счастливым и свободным, однако потом исчезает из его жизни и, как и в первом случае, разбивает своей жертве сердце: «Она расколдовала его, он был теперь свободен. Свобода на первых порах была горькой и ненужной... Да, горечь и сердечная пустота какое-то время угнетали Герасима Петровича. Он потерял и любимую, и дом. Он ушёл из дома, но это был ещё один верный шаг к освобождению. Он был уже расколдован, у него появилась свобода выбора, длинный пово-

док был обрезан и ошейник приворота снят. Он переживал остро внезапный уход Виолетты и всё перечитывал ещё и ещё раз её прощальное послание, оставленное ему в кармане пальто... Она освободила его не только от рабского маминого приворота, но и от своего, ещё более сильного. Она умела уже это делать, когда хотела, конечно... Она освободила его от себя! Это была, если разобраться, не рана, а подарок» [18]. При всей схожести портретных характеристик, функциональной значимости и прочих признаков современной интерпретации образа Бабы Яги с фольклорным праобразом следует отметить, что в романе не упоминаются элементы традиционной атрибутики.

Таким образом, соотнося данный образ с традиционными, выделенными нами, чертами исследуемого образа можно сделать вывод, что героиня романа В. Качана представляет собой собирательный образ, основанный на сочетании разных типов Бабы Яги. Подчеркивается женское начало героини, преобладание женских чар и ее исключительная внешность, манипулирование мужчинами посредством облика прекрасной невинной девушки, что отсылает нас к трактовке Бабы Яги как триединству юности, молодости, старости. Хотя нам не показаны другие этапы становления образа Виолетты, кроме юности, но в романе встречается много отсылок к образу Бабы Яги в виде старухи (описание внешности постаревшей и подурневшей матери героини, старухи, собирающие бутылки в кафе Севастополя и проч.). Колдовская деятельность, а также черты образа Бабы Яги-злодейки подчеркиваются мотивами колдовского воздействия Виолетты на мужчин, ее интересом к магическому, а также мотивами смерти, смертельной опасности (например, стычка поэта Саши с хулиганом во время встречи с Виолеттой, упоминание самки богомола, съедающей самца, и проч.).

Функции Яги-дарительницы, реализующиеся в образе Виолетты, связаны с ее «сомнительными дарами» — освобождением персонажей от мешающих им, по мнению Виолетты, людей или явлений, но в первую очередь от нее самой. Также встреча с героиней кардинально меняет жизненный путь остальных персонажей (отчим разводится с ее матерью, поэт Саша пускается

во все тяжкие и получает свой вечный источник вдохновения — трагическую любовь и проч.).

Однако современная интерпретация образа в романе всё же отличается от традиционных представлений о Бабе Яге: созревание героини не гиперболизировано и уродливо, как в сказках, а наоборот, тяготеет к женственности. Развивающееся уродство связано не с физическим состоянием героини, а с духовным, и отражается в ее поступках. Кроме этого, несмотря на магический план романа, показаны подростковые проблемы девушки (ее отношения с отцом, матерью и отчимом, подругами, первая влюбленность и проч.). Также героиня помещена в контекст советской действительности и ее становление во многом зависит не только от ее характера и поступков, но и от испорченности окружающих ее людей и их отношения к действительности.

Являясь неотъемлемой частью репрезентации образа Бабы Яги в русской литературе, роман В. Качана «Юность Бабы Яги» демонстрирует неразрывную связь не только с традицией представления центрального образа в фольклоре и литературе, но и с интерпретацией ключевых образов и мотивов мировых художественных произведений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор исследований показал, что образ Бабы Яги является одним из древнейших фольклорных образов. Однако среди существующих исследований подавляющее большинство посвящено анализу данного образа с точки зрения фольклористики, культурологи и т. д. Работ, посвященных интерпретации этого образа в современной литературе, мало.

Ведущую роль в изучении данного образа играют концепции В. Я. Проппа (реконструкция древнейших славянских верований на основе изучения составляющих фрагментов фольклорных текстов), В. В. Иванова и В. Н. Топорова (анализ на основе методов сравнительно-исторической и лингвистической реконструкции мифологических образов), Б. А. Успенского (обоснование двух путей реконструкции славянских языческих культов: проспективного, основанного на данных индоевропейской сравнительно-исторической мифологии и ретроспективного, основанного на фольклорных источниках), В. И. Ереминой (систематизация изучения архаических явлений семейных обрядах), А. С. Байбурина (разработка типологической концепции в изучении обрядовой системы восточных славян) и др. Существующие работы посвящены исследованию этимологии происхождения данного образа, интерпретации его сущности, описанию атрибутики, функциям в сказке и других жанрах и проч.

Опираясь на этимологию образа, связь с мифологией и верованиями, внешнюю атрибутику и описание персонажей, выполняемые функции и проч., исследователи сходятся во мнении, что в образе Бабы Яги соединились черты многих древних персонажей, а также что подобный образ встречается не только в восточнославянском фольклоре. Наибольший вклад в понимание и изучения феномена Бабы Яги внёс В. Я. Пропп. Исследователь, изучив этнографический и мифологический материал, пришел к выводам, что данный образ имеет мифологическое происхождение и сходство со многими персонажами других народов и что в образе Бабы Яги соединились черты многих

древних персонажей. Именно поэтому столь различны функции, которые Баба Яга выполняет в разных сюжетах.

Таким образом, можно сделать вывод, что данный образ эклектичен и складывается из разных деталей — функций, сюжетных ролей, этимологии происхождения, атрибутики и проч.

Опираясь на обзор основных исследований по теме, а также на характеристику образа с учетом атрибутики и функциональной значимости, мы составили сводную классификацию образа Бабы Яги, в которую входят следующие типы:

1. Образ хозяйки зверей и леса, лесной ведьмы.
2. Образ ведуньи, знахарки.
3. Образ мертвеца, привратницы, охраняющей переход из мира живого в мир мертвых.
4. Образ злого существа, совмещающего черты разных отрицательных персонажей.
5. Образ жрицы связан с ритуальными действиями — обрядом инициации детей / героев (возвращение живым после встречи с Бабой Ягой, посадение детей в печь, кража детей, людоедство и проч.).
6. Образ женщины (Праматерь, женское начало, триединство юности, молодости, старости).
7. Образ богини (одна из богинь славянского пантеона, связь с одноногими божествами, змеевидными и проч.).
8. Образ воительницы.

Каждый из этих типов имеет свои специфические черты, но кроме того есть черты, общие для всех типов. Исследователи выделяют следующие характерные признаки образа Бабы Яги:

— специфические портретные характеристики (например, клыки, наличие костяной ноги или одноноготь и проч.);

— символы «пограничного» пространства (избушка на курьих ножках, наделённую зооморфными чертами, глубокий, «дремучий» лес как знак отшельничества, мост или река, камень / развилка и проч.);

— магическая атрибутика (ступа и пест как средства передвижения). Данная черта роднит Бабу Ягу с ведьмами: они всегда использовали средства домашнего обихода как в качестве личного транспорта — летали на лопатах, мётлах и пр.;

— специфика хронотопа (связь с потусторонним миром, переходность);

— функции в сюжете. (Традиционно Яга-дарительница появляется, когда главному герою нужна помощь, а Яга-похитительница — когда дети остаются одни. Появление Бабы Яги как антагониста связано с кульминационной частью сказки. Развязка обычно символизирует победу главных героев над Бабой Ягой);

— выполнение специфических функций — когнитивной, воспитательной, коммуникативной.

При анализе трансформации образа Бабы Яги в романе современного писателя В. Качана «Юность Бабы Яги» мы пришли к выводу, что при всей схожести портретных характеристик, функциональной значимости и проч. современной интерпретации образа Бабы Яги с фольклорным пробразом следует отметить, что в романе практически не упоминаются элементы традиционной атрибутики. Соотнося образ главной героини романа В. Качана Виолетты с традиционными чертами образа Бабы Яги можно сделать вывод, что героиня романа В. Качана представляет собой собирательный образ, основанных на сочетании разных типов образа Бабы Яги:

- Подчеркивается женское начало героини, преобладание женских чар и ее исключительная внешность, манипулирование мужчинами посредством облика прекрасной невинной девушки, что отсылает нас к трактовке Бабы Яги как триединству юности, молодости, старости. Хотя нам не показаны другие этапы становления образа Виолетты, но в романе встречается много отсылок к образу Бабы Яги в виде старухи (описание внешности постарев-

шей и подурневшей матери героини, старухи, собирающие бутылки в кафе Севастополя и проч.).

- Колдовская деятельность, а также черты образа Бабы Яги-злодейки подчеркиваются мотивами колдовского воздействия Виолетты на мужчин, ее интересом к магическому, а также мотивами смерти, смертельной опасности (например, стычка поэта Саши с хулиганом во время встречи с Виолеттой, упоминание самки богомола, съедающей самца и проч.).

- Функции Яги-дарительницы, реализующиеся в образе Виолетты, связаны с ее «сомнительными дарами» — освобождением персонажей от мешающих им, по мнению Виолетты, людей или явлений, но в первую очередь от нее самой. Также встреча с героиней кардинально меняет жизненный путь остальных персонажей (отчим разводится с ее матерью, поэт Саша пускается во все тяжкие и получает свой вечный источник вдохновения — трагическую любовь проч.).

- В романе можно выделить традиционные мотивы и образы, связанные с образом Бабы Яги. Например, *мотив дороги*, представленный в романе и как описание перемещения главной героини, так и описание ее жизненного пути и пути героев, встречающихся ей. Или *мотив страха* связан с устрашающим цинизмом, расчетливостью, жестокостью, манипулированием людьми, безразличием и всепожирающим безумным весельем, проявляющимися в Виолетте. *Мотив колдовства* проходит через весь роман.

Однако современная интерпретация образа в романе всё же отличается от традиционных представлений о Бабе Яге: созревание героини не гиперболизировано и уродливо, как в сказках, а наоборот, тяготеет к женственности. Развивающееся уродство связано не с физическим состоянием героини, а с духовным, и отражается в ее поступках. Кроме этого, несмотря на магический план романа, показаны подростковые проблемы девушки (ее отношения с отцом, матерью и отчимом, подругами, первая влюбленность и проч.). Также героиня помещена в контекст советской действительности и ее становле-

ние во многом зависит не только от ее характера и поступков, но и от испорченности окружающих ее людей и их отношения к действительности.

Являясь неотъемлемой частью репрезентации образа Бабы Яги в русской литературе, роман В. Качана «Юность Бабы Яги» демонстрирует неразрывную связь не только с традицией представления центрального образа в фольклоре и литературе, но и с интерпретацией ключевых образов и мотивов мировых художественных произведений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев, А. А. Русские боги в Зазеркалье. Баба Яга // А. А. Андреев // Мифы и магия индоевропейцев. — Вып. 3. — М., 1996.
2. Аникин, В. П. Русская народная сказка / В. П. Аникин. — М. : Просвещение, 1977. — 208 с.
3. Афанасьев, А. Н. Народные сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. — М., 1984.
4. Афанасьев, А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т / А. Н. Афанасьев. — М., 2002. — Т. 1. — С. 136—142.
5. Баркова, А. А. Славянская мифология и эпос / А. А. Баркова. — http://paranormal-news.ru/news/izbushka_na_kurikh_nozhkakh_jazycheskij_domik_mertvykh/2013-05-29-6975 (дата обращения 27.05.2018).
6. Буслаев, Ф. И. Славянские сказки / Ф. И. Буслаев // Исторические очерки русской словесности и искусства. Т. 1. — СПб., 1861. — С. 308—354.
7. Веселовский, А. Н. Собрание сочинений / А. Н. Веселовский. — Т. 16. Статьи о сказке. — 1868—1890. — М. ; Л., 1938. — 368 с.
8. Веселовский, Н. И. Мнимые каменные бабы // Н. И. Веселовский Вестник Археологии и Истории, издаваемый Императорским Археологическим Институтом. — Вып. XVII. — СПб., 1906.
9. Власенко, Е. Ю. Функции архетипов и архетипических образов в произведениях П. В. Засодимского : дис. канд. филол. наук / Е. Ю. Власенко. — Ульяновск, 2005. — 163 с.
10. Гимбутас, М. Цивилизация Великой Богини / М. Гимбутас. — М., 2006.
11. Грибоедов, А. С. Горе от ума / А. С. Грибоедов. — <http://ilibrary.ru/text/5/p.1/index.html> (дата обращения — 27. 06. 2018).
12. Грушко, Е. А. Энциклопедия славянской мифологии / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. — М., 1996. — 206 с.

13. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М., 1980.
14. Ефимкина, Р. П. Пробуждение Спящей красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках : монография / Р. П. Ефимкина. — СПб., 2006. — 263 с.
15. Забылин, М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. Забылин. — М., 1880. — 629 с.
16. Иванов, В. В. Баба-Яга. Славянская мифология. / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Энциклопедический словарь. — М., 1995. — С. 450—456.
17. Иванов, В. В. Славянская мифология / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира : в 2 т. — М., 1982. — <http://krotov.info/history/09/3/ivanovv.html> (дата обращения 27.05.2018).
18. Качан, В. Юность Бабы Яги / В. Качан. — <http://booksonline.com.ua/view.php?book=130788> (дата обращения: 22.01.2018).
19. Кошарная, С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. — Белгород, 2002.
20. Лаушкин, К. Д. Бабая-Яга и одноногие боги / К. Д. Лаушкин. — <https://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43329184515/K.-D.-Laushkin-BABA-YAGA-I-ODNONOGIE-BOGI>.
21. Малаховская, А. Н. Наследие Бабы-Яги. Религиозные представления, отраженные в волшебной сказке, и их следы в русской литературе XIX—XX вв. / А. Н. Малаховская. — СПб., 2007. — 344 с.
22. Махлина, С. Т. Образ Бабы Яги в межкультурной коммуникации / С. Т. Махлина // Вестник СПбГУКИ. — 2016. — № 1 (26). — С. 21—25.
23. Мелетинский, Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа / Е. М. Мелетинский. — М. ; СПб., 2005. — 240 с.
24. Платов, А. Баба Яга и руна посвящения / А. Платов // Мифы и магия индоевропейцев. — Вып. 10. — М., 2002.

25. Померанцева, Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. — М., 1975.
26. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — М., 2001. — 192 с.
27. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Л., 1986. — 364 с.
28. Мериме, П. Кармен / П. Мериме. — <http://librebook.me/carmen/vol1/1> (дата обращения: 22.01.2018).
29. Русская мифология : энциклопедия. — М., СПб., 2005. — 784 с.
30. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков — М., 2002. — С. 361—369.
31. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. — М., 2004. — Т. 1—3.
32. Соколова, В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — нач. XX в. / В. К. Соколова. — М., 1979. — 292 с.
33. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М., 1997. — 824 с.
34. Успенский, Э. Вниз по волшебной реке / Э. Успенский. — М., 2005. — 136 с.
35. Шапарова, Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии / Н. С. Шапарова. — М., 2001. — С. 350—351.
36. Шилов, Ю. А Истоки славянской цивилизации / Ю. А. Шилов. — М., 2004.
37. Эмер, Ю. А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект / Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. — 2010. — № 1 (9). — С. 91—99.
38. <https://lifeactor.ru/1363-vladimir-kachan.html> (дата обращения: 27.05.2018).